

Андрей Гришаев

Канонерский остров

Андрей Гришаев

Канонерский остров

Москва

«Воймега»

2014

УДК 821.161.1-1 Гришаев
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
Г85

Художник серии: Сергей Труханов

А. Гришаев
Г85 Канонерский остров. — М.: Воймега, 2014. — 96 с.

ISBN 978-5-7640-0156-2

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© А. Гришаев, текст, 2014
© С. Труханов, оформление, 2014
© «Воймега», 2014

2006–2009

О счастье

Сверкали звуки в осеннем парке,
Москва под луной плыла.
Пел припозднившийся зяблик жалкий,
И песня как свет была.

Горели окна высотных зданий
На том берегу, вдали.
Горел фонарь на подъёмном кране,
И баржи с огнями шли.

Я шёл и думал: какое дело,
Что ночью здесь тоже свет,
Что птица какую-то песню спела,
Что счастья и смерти нет.

В гранатовом саду

На юге страны гранаты цветут,
По югу страны солдаты идут,
Весёлые песни поют.

Раздавишь гранат — сок течёт по руке.
Раздавишь гранат — кровь плывёт по реке.
Затихла война вдалеке.

И странно и весело просто не быть.
В прозрачную воду войти и забыть.
Пилотку в траве обронить.

Смотри, не спускай с меня пристальных глаз.
Смотри на лежащих и радостных нас.
Ты спас меня, знаю, ты спас.

* * *

У него в кармане зажигалка и коробок.
К бывшей жене он идёт, дядя в плаще.
Там угрюмый пацан, огрызающийся на «сынок».
Они пьют чай и не о чём вообще.

Ни о чём, будто не было этих лет.
Та же осень, облетающий клён в окне,
Тот же диван, тот же зелёный плед.
Та же кошка, но нет, показалось мне.

Она всё помнила: две ложечки сахара, пастила...
Спросила про Надю... «Настя», — поправил он.
И прежняя кошка (та, которая умерла)
К ногам приникла под ложечки тихий звон.

Мне не надо

Мне не надо прозрачного сада.
Мне не надо водицы в горсти.
Мне не надо любимого взгляда.
Я прошу: ничего мне не надо.

В этой тихой и сложной траве,
В песне птицы, что не начиналась,
Но всегда была. Был и ответ.
Был высокий негаснущий свет.

Пусть ни разу, ни разу Твой взгляд
Не коснулся меня — мне не надо.
Птицы неразличимо летят.
Повторяй еле слышно: «Тот сад
Был всегда во мне».

Заря

Слой небесный, ласточкина земля.
Приют кузнечиков, желтеющие поля.
Рыбье царство, водоросли изгиб.
Передо мною тихо встаёт заря.

Ты ли рыбой была, ты ли птичкой смешной была,
Была ли кузнечиком, что же ты умерла?
Я не запомнил тебя, ты в одежде другой встаёшь,
Ты говоришь мне: как я тебя ждала.

Это мой дом: это воздух, земля, вода.
Это всё то, что не сбудется никогда.
Ты войдёшь в мою комнату, всё озарив огнём:
Пламя твоё не нанесёт вреда.

Сон

Мне приснился сон, что страны моей больше нет.
Есть леса и трющобы и гигантская автотрасса.
Города обесточены. Дикий и жёлтый свет,
Длинный свет фонарей летящих во тьме камазов.

Что случилось — неясно. Кризис или война.
Или то и другое. В общем, страну накрыло.
Между тем в деталях чёрная даль видна.
Инфракрасное зрение — чтобы всё видно было.

И все звуки стали издалека слышны
(У людей изменилось также устройство уха)
Так, что слышно даже потрескивание тишины,
Неживая возня почти на пределах слуха.

И мне стало обидно, что вижу я всё, что есть.
А того, чего больше нет, — мне увидеть не дали,
Ни великой страны, без которой так пусто здесь,
Ни волшебных людей, которыми мы не стали.

Звёздочка

Жил на свете, жил один
Неподвижный господин.

В кресле у окна сидел
И на звёздочку глядел.

Ничего ему не надо:
Ни сигары, ни вина,
Ни жены, ни шоколада,
Ни гимнастики, ни сна.

Только б ты сияла рядом,
Только б ты была видна.

Ходят люди по делам,
Ходят люди неживые,
Деньги крутятся большие,
Выются тени тут и там,
Люди добрые и злые
Погружаются в туман.

В небе звёздочка висит,
Господин в окно глядит.

Только б ты, моя страна,
В том свету не заблудилась,
Только б спящая война
Звёздами не разродилась.

Только б ты была видна.
Только б сердце билось, билось.

Перемена сезонов

Какое мне дело до этих дубов и сосен?
До этих клёнов и трогательных берёз?
Во мне распустила тяжкие крылья осень,
Но она не раскачает меня до слёз.

Пой, трепещи, негодная чудо-птица.
Я тебе рад, но машинально, за так.
Ты расплетать заплетённое мастерица.
Я же собрал все кружева в кулак.

Вьётся и вьётся лёгкий дымок над лесом.
Бухнуло сердце и свистнуло в темноту.
Птица как рыба бьётся холодным весом
В каком-то неправильном, холодном таком свету.

Запоздалое облако

Запоздалое облако
В наступающей мгле
Уходило из города
По размытой земле.

Задремало — и всё перепутало,
Неуклюже и медленно шло,
У завода бродягу окутало,
Постояло и дальше пошло.

И осколками острыми
От попоек и драк
Любовалось, как звёздами,
Зачарованно так.

И, дойдя до фабричного озера,
К маслянистой воде неживой,
Оперенье воздушное сбросило
И ушло прямо вниз с головой.

Лёгкая лапка

Я не верю, что может мой кот умереть.
Никогда целиком — лишь на треть.

Смерть вырастает в него от ушей до хвоста.
Только лапка осталась чиста.

Умывается ею он утром и днём.
И он снова хорош и силён.

Помурлычь, мой хороший, засни на руках.
Твоя лапка как ватка мягка.

А как чёрные в окна влетят снегири —
Грозным глазом на них посмотри.

Погрози лёгкой лапкой и прочь прогони.
Защити. Сбереги. Сохрани.

Попутная вода

Уеду в Петербург, куда
Течёт попутная вода,
Куда вагон попутный дремлет,
И время освещает путь,
И длинный сон леса объемлет
И остальное как-нибудь.

Я помню, жил на этом свете
И был за малое в ответе,
А большего не понимал.
Теперь, когда оно случилось,
Звенит за окнами металл
И в туфли влага просочилась.

Это не я говорю

Дорогие мои москвичи,
Табуреты и калачи,
Тёплый дождик и переулки.

Дайте я вас сейчас,
Дорогие мои москвичи,
Возвращаясь из родины гулкой.

Не могу на бегу,
Ветка высохла, ветка намокла,
Ветка высохла.

Дайте я вас.
На спелёнутой влагой земле,
В этом городе, как в корабле,

Будет час, за который
Последнюю ветку отдашь,
Последнее слово.

Слово высохло.
Слово замолкло.
Слово высохло.

Это не я говорю:
Дорогие мои старожилы,
Новобранцы и мёртвые живы,

Живы те, кто,
И те кто, которых,
Живы люди в летящих моторах,
Жив отец мой, и всё ещё живо,
Так умолкшее слово не лживо,

Так умолкшее слово поёт.

* * *

Я влюбился в снег и лёд.
В снега медленный полёт,
Льда прозрачно-синий цвет,
В небольшое слово «нет».

Тротуар отныне пуст,
Только льда прозрачный хруст,
Только светит в отдаленье
Убелённый снегом куст.

Это сладкая печаль,
Это каменный хрусталь,
Бесконечная, стальная,
Немерцающая даль.

* * *

Г. И.

Вдалеке, не разглядеть лица,
Где мудрец похож на подлеца,
Где с улыбкой прапор убиенный
Думает, что он военнопленный,
Но войска союзников уже
На последнем, ближнем рубеже.

Вдалеке, у самого конца,
Где подлец похож на мудреца,
Где мертвец, в уме военнопленный,
Спит и видит близкие огни,
А союзники стоят над убиенным
И молчат, уходят прочь они.

Вдалеке, где не бывал мудрец
И подлец куда не замахнулся,
Ночью белой вдруг встаёт мертвец
И молчит. Он только что проснулся.
Перед ним — холодная стена,
Тихо расступается она.

* * *

Ещё ребёнком неусталым
Всегда большое видел в малом,
В прозрачной капле — тьму и свет.

И век особенный навстречу
Летел. И вдруг спускался вечер.
И я в постели, не одет.

Я нежился в подушках сонных,
Снах полукруглых засветлённых,
Недопроявленных, больших.

Я умер — это мне казалось,
Когда луна в меня спускалась.
Но я оказывался жив.

И я всё это точно видел,
Я так любил и ненавидел,
Старался и не мог понять:

Зачем ты бьёшься надо мною,
Весенней трогаешь рукою,
Как можешь так во тьме сиять.

Девочка

Помню я синее, синее море,
Облако белое светится будто,

Будто холодный сверкающий мрамор.
Мягкое так не может светиться.

Жёлтый песок словно жёлтое море.
Девочка тонет, да нет же, не тонет.

Сядет и встанет и куклу подкинет.
Мягкое так не может светиться.

Девочка светится, будто на небе
Кончился мрамор и лёд растопили,

Будто сиянье упало, твердея,
В мягкий песок, покачнулось и встало,

Куклу прижало к железному сердцу,
Встало на маленькие колени.

* * *

Это лето не про нас,
Это солнце не про нас.

В ателье поблѣкли фото:
Профиль и анфас.

Здесь природа не моя,
Здесь природа не твоя.

Подмосковными ночами
Трели соловья.

Ждёшь чего-то, ждёшь — и вот:
Выстрелят во тьме в живот.

Ну а жизнь — она не спросит,
Просто так уйдѣт.

Остановка в лесу

Оставьте «метафизику маслят».
Такие темы — не для разговора.
Маслята зачарованно глядят.
А полдень скоро.

Разложимся на сказочном бревне.
(Бревно и лес куда-то уплывают.)
И мнится мне,
Что смерти не бывает.

Грибник пройдёт, случайный, холостой.
Как выстрел, глаз сверкает из-под кепки.
Дождь зашумит. Как девочка, простой.
И капли редки.

Поедет лес. Еловый перестук.
И женщина с платформы улыбнётся.
Дождь кончился. Встаёт с бревна мой друг.
В зените солнце.

Кошка в доме

Кошка в доме появилась,
Просто села и сидит.
Тонкой лапкою умылась,
В сторону мою глядит.

Как вести себя — не знаю.
Как лежал — так и лежу,
Невнимательно читаю,
На животное гляжу.

Разве что-то изменилось,
В смысле, есть ли смысл в том:
«Кошка в доме появилась».
Я не знаю, что потом.

Надо бы еды насыпать,
Надо бы ей имя дать.
Может, праздник. Может, выпить.
Может быть, гостей позвать.

Там, где раньше пусто было,
Стало мягко и светло.
Умываешься без мыла,
Выгибаешься тепло...

Это окно

Мама моя, благословляю твой ненадёжный и долгий покой.
Ты стоишь у окна и машешь мне вслед рукой.

Вся наша жизнь скучна, длинна, надеждой озарена,
И бесполезнее, и милосерднее, чем это «яблоко на».

Усатый водитель, прими меня и отвези на вокзал.
Ночные улицы прячут огни, усталые видя глаза.

И мир, полный людей и машин, следствий и их причин,
Так бережен к человеку, когда тот остаётся один.

Ни слова о прошлом. Мы полетим. Он сядет. Она вздохнёт.
И будущий сын, обернувшись, скажет: «Ничего, и это пройдёт».

И это окно, где не гаснет свет, где вечный твой силуэт, —
Надежда, которой, в сущности, нет, и время, которого нет.

Зяблик или дрозд

Зяблик или дрозд? Поди разбери,
Кто смотрит пронзительным круглым глазом.

Какой человек у тебя внутри
Не верит, что он до конца рассказан?

Снимая рубашку, иду на балкон.
Шевелится двор, как огромная птица.

Там девочка тонкая в платье простом
Из тонкого голубого ситца.

Она наклоняется прутик поднять.
Она так отдельна и так серьёзна.

И смотрит вдруг, как смотрела мать,
Как смотрит свет сквозь беду и слёзы.

Ты не поверишь, мой маленький друг,
Сияющий радужным опереньем:

Я вижу всё, что лежит вокруг,
Её, этой девочки, тонким зреньем.

Я вижу себя в двадцать восемь лет,
Остолбеневшего в майской пыли,

Окаменевший янтарный свет,
Птицу, которую не различили.

Зяблик или дрозд? Конечно, дрозд.
Освобождённый невинным взглядом.

Солнце, невидимое из-за слёз.
Книга, закрытая где-то рядом.

Весна запоздалая

Сырая земля мне мать и трава мне мать
И поле зелёное детство маячит мне
И заспанно глядя проснуться и обнимать
Колени ладони тёплые как во сне

И шум у воды реки запоздалый блеск
Руками коснуться невидимого лица
И берег летит и вдали оплывает лес
И всё это мать и нигде никогда отца

А он человек заточённый в пустом доме
Ботинки и зонтик знакомой руки листок
Весна запоздалая солнце в сыром дыму
Найти я не смог тебя я найти не смог

* * *

Я в далёком когда-то детстве
О волшебном мечтал наследстве.

Получить, например, миллион эскимо
И годами питаться — но:

Заболел с осложнением ангиной
И зимою ужасно длинной

Две недели лежал, ничего не желал
И здоровый однажды стал.

Не мечтал я том, что лето
Принесёт мне тепла и света,

Но с течением дней всё плохое ушло,
А хорошее произошло.

И теперь мне не надо бояться,
Что мой галстук может измяться

И что мой бутерброд муравьиный народ
Перед школой во сне погрызёт.

Мне завещано всё и сразу:
Эскимо, недоступное глазу,

Страны и города, где везде и всегда
Карамельная плещет вода.

Остров

Позвонил отец и говорит:
Слушай, здесь, на острове, я умираю.
Вышли мне по почте тысячи три.
— Да, конечно, папа, я понимаю.

Я вышлю тебе эти сраные деньги,
Обойдусь без пары левисов новых.
На меня наступают забытые тени:
Что ты всё о деньгах, скажи хоть слово.

На лекарства, говорит, очень дорогие лекарства.
Позвонил твоей матери — говорит: собирай бутылки.
Ты видишь (плачет), где я сейчас оказался.
Папа, ты же мужчина, говорю, не хныкай.

Меня здесь окружают большие вещи.
Я пишу стихи, в узких кругах я популярен.
Моя жена заменяет мне женщин.
Она мне столько волшебного каждую минуту дарит.

Видишь, твой сын счастлив, я ведь и правда счастлив.
Ты ведь был счастлив, ну, 10, 20 лет назад?
Говорят, любовь закатилась, но она никогда не гасла.
Послушай, я тебе правда очень, очень рад.

Инсульт, в любой момент. Очень плохой диагноз.
В трубке всхлипы. Папа! — ору — твою мать!
Я не помню, я потерял, диктуй адрес.
СПб, Канонерский остров, д. 14, кв. 5.

На твоём острове, ты знаешь, я никогда не был.
Мне всегда казалось, там туземцы и роскошный закат.
Где бы я ни терялся, ни метался где бы —
Я иногда вспоминаю твои руки и взгляд.

Ты хочешь от меня правду? Ты умрёшь, я знаю.
Одинокий, покинутый и больной.
Это страшно. Но я тебя прошу, умоляю,
Будь со мной мысленно, будь со мной.

Я пошлю три тысячи на твой потерянный остров.
Завтра. Ты их получишь через два дня.
И если здесь есть бог, а его не может не быть просто —
То ты вспомнишь и простишь меня.

Я когда-нибудь окажусь на твоём месте.
На каком-то острове, на какой-то ничтожной земле,
И буду просить, рыдая: 300, хотя бы 200.
И ты, со всех сторон света, улыбнёшься мне.

Это не расставание. Это не слёзы в трубке.
Я слышу, явственно слышу: шумит вечерний прибой.
Папа, скажи туземцам, пусть помолчат минуту.
Скажи им и выйди из комнаты с гордо поднятой головой.

Птица

Жизнь — это не только мыши.
Это еще и птица.
Так говорит мой серьёзный домашний кот.

Он просится на руки.
Он ласков и осторожен.
Он приучил меня полюбить молоко.

Так вот, о птице.
Вряд ли кот ошибается.
Жизнь — это не только мыши. Это летящая над пеленой

Сильная птица.
Движение перьев и плоти.
Берег и смысл мой.

Часы маме

«Потеряла часы, — говорила мама опустошённо. —
Папин подарок. Носила тридцать лет».
А вчера я узнал по телефону,
Что папы нет.

И вот я со своей сестрой и её мужем
Выбираю на день рожденья маме часы.
Маме нужны часы. Ремешок маме крепкий нужен.
Тридцать лет их носи.

Время стирает память. Через тридцать лет мне будет
Шестьдесят. Маме — девяносто.
На старческой руке следы птичьих лап.
Застегнуть ремешок — это уже не просто.
Но ты всё равно смогла.

Портрет отца

Портрет отца без сходства
Я в детстве рисовал.

Мне всё казалось просто:
Вот нос, лица овал.

Всё так и было просто:
Рисунок оживал.

И плакала в прихожей,
Мне помнится, сестра.

Рисунок непохожий
Глядел на нас с листа.

Родной и непохожий.
Живой глядел с листа.

Туда, где

Кораблик тонет в вышине,
Комарик тает в тишине,
Налейте чаю мне.

Не прячь горящее лицо.
Не плачь, а выйди на крыльцо.
Заткнись, в конце концов.

Охота к перемене мест.
Свинья не выдаст, волк не съест.
А может, всё же съест?

А может — знаешь наперёд.
Кто за углом тебе соврёт,
Кто ласково убьёт.

Держи меня в своих руках.
Неси, как пчёлку, в облаках.
Несись на всех парах.

Туда, где улыбнётся мне
Кораблик в синей вышине,
Комарик в тишине...

По острию луча

И некого мне более спасти,
Чем самого себя. На том пути
Гнилого снега, вянущей травы,
Слепого воздуха случайный пешеход
Остановился. Всё наоборот:
Ползут снега, трава теряет цвет,
А воздух — смысл. Пешеход стоит.
И свет пустой мимо него горит,
И кровь внутри застыла, как цемент.

Я вышел вечером за хлебом в гастроном.
Подростки матерились, темнота речей
И темнота вообще зияла. Мир как сон.
Я шёл на ощупь в воздухе вещей.
Мне некого спасти. Себя не в счёт.
Толчками время, словно кровь, течёт.

Пустые дни. Бездумный календарь.
Моя страна встречала новый год.
В конфетном мусоре прогорклая еда,
Тяжёлый запах, и воротит рот,
И затошнило... И дышу в окно.
И небо пушкинскими звёздами полно.

У нас нет выбора. Но что-то есть вовне.
В ослепшем воздухе, плывущем по стране,
В фигуре пешехода, в звуке том,
С которым строится многоквартирный дом,
В ребёнке, что с недетскою тоской
Отцу в отставке машет вслед рукой.

Мы не откроем обреченных глаз.
Я вас не спас, и я себя не спас.
Но, может быть, по острию луча
Мы все идём вслепую, как щенки,
Не замечая острого меча,
Не понимая ласковой руки.
И души, что пожизненно храним, —
Во тьме теряя, — плачем мы по ним.

Память

Ветхая память моя,
Тёплое одеяло.

Я буду в таких краях,
Где ты ещё не бывала.

Я буду в таких краях,
Где ты никогда не будешь.
Где не согреешь и не осудишь.

Я буду там,
Где только огонь и пепел.

Там,
Где день тонок и светел.

Где что-то вроде шуршанья
Иглы патефона

Или молчанья
В динамике телефона.

В больничных окнах

В больничных окнах сон и стыд.
Там воздух тих и равнодушен,
Там лента липкая висит
И чей-то не смолкает ужин.

Там что-то капает, сосёт,
Там жизнь под капельницей бродит.
Уж собралась, а не уходит.
«Ну всё, иду», — и не идёт.

Часы в прихожей подведёт,
То паспорт вдруг перелистает,
То чайник на огонь поставит
И мелкими глотками пьёт.

Белое море

Белое море. Колючий песок.
Лето от осени на волосок.
Медленных барж неживые огни,
Мы на причале одни.

Ты наблюдала и я наблюдал
Дробной луны вертикальный овал.
Слева от бухты чернели склады,
В воздухе запах железной воды.

Мы изменить ничего не могли.
Лето распалось, исчезло вдали,
Осень молчала — я тоже молчал.
Билась вода о причал.

Про любовь

Седина в голову, а бес в ребро,
И по снегу рыхлому летним шагом
Он в своё замшелое идёт бюро
К Леночке и диким уже бумагам.

Песенка, как водится, про любовь.
Инженер, негордый отец семейства,
Учащённо дышит. Играет кровь.
Леночка слетает, как ангел детства.

«Почему, — он думает, — так всегда,
Когда жил и прожил свои две трети —
Обязательно въедет в тебя беда?
Как же Надя и как же дети?»

С Леночкой обнявшись, ныряя в снег
И снежки лепя, хохоча неслышно,
Он уже планирует свой побег,
Обречённо думая: «Третий — лишний».

А потом в тепле выходного дня
Он в смятенье к Чехову припадает
И решает: «Это — не про меня», —
И всё злее дальше его читает.

Жаркий день

Мы прибыли в посёлок на рассвете.
Безоблачное небо предвещало
Жару. Почти неслышно громкоговоритель
Пел что-то из эстрады. Мы спустились
По насыпи и вышли на дорогу.
Мы были там одни. Прогромыхала
И скрылась в пыльном облаке машина.
Бензина запах, а верней, солярки:
Воспоминания откликнулись послушно.
День обещал быть медленным и жарким.

Мы шли изрядно вырубленным лесом.
Сквозь частые просветы видно было
Большой пустырь и круговую трассу,
Четыре вышки, вроде бы пустые.
Приземистые серые строения
Вдали терялись. Будто говорило
Всё это нам: жизнь человека может
Закончиться, но не остановиться.
И то, на что нам зренья не хватает, —
Без нашего присутствия продлится...

Часы неспешно отмеряли время.
Почти что десять. Я достал газету
И сделал треуголку. Получилось прямо
Как в детстве. Начинало жарить.

Идти решили быстро, без привала,
Чтобы успеть к полудню. Это
Казалось будто бы воспоминаньем.
Искрящейся стеною шли деревья,
Я будто бы заснул, но сна не помню.
И вот мы на окраине деревни.

За десять лет ничто не изменилось,
По мелочам лишь: новая беседка,
Сгоревший дом... Незначимая малость,
Погрешность допустимая. Всё те же
Заборы, крыши, каменный колодец...
И, как ждала, открыла нам соседка.
Как будто бы ждала — в платочке чёрном.
«Серёжа, Саша. Не признала. Вы ли?
Уж ждали, ждали, да в жару такую...
Не погодишь. Вчера похоронили».

* * *

Едут автомобили, проходят люди,
Снег по улице, как по доске.
Это всё было и, вероятно, будет.
Ребенок цветёт в тоске.

Что ли, научиться шевелить ушами,
Там и вечер будет, гляди.
Вырасту как папа вот с такими усами.
Мысленно их так подкрути.

Время заволнуется, будто море.
Вот уже в окне зацвело.
Будет нам и счастье и будет горе,
Только чтобы небо плыло.

Только чтобы пело, мело, летело,
Двигалось, как теперь.
Музыка моя, и какое дело —
Я исчезну. А ты не верь.

За калиткой

Ну вот, за калиткой чернеющий мрак.
А что ещё там, за калиткой?
Ты это увидишь вблизи, просто так,
Под отвалившейся плиткой.

Какой-то цемент, паутина, провал...
И даже коснуться противно.
Как будто бы кто-то рисунок порвал,
Да нет, изувечил картину.

И этого ради ты делал ремонт,
Немецкие клеил обои,
Чтобы с изнанки, в клозете, так вот
Увидел совсем ты другое?

Какую-то мерзость, какой-то сквозняк,
Какую-то жизнь без просвета.
Да как же так можно! Да так же нельзя!
Да что ж это, что же это?

И эта калитка, и всё, что за ней,
И всё, что за тем, что за нею...
— Что ж, если так страшно, сиди костеней.
— Да я и сажу — костенею.

* * *

История поехала вперёд.
Я в куцей непростого цвета куртке
Влачусь за папой на большой парад.
От папы сильно пахнет алкоголем.
Я апельсин ем и бросаю шкурки
И наслаждаюсь, в общем-то, раздольем.

Годами позже, в августе в Крыму
На дне рожденья девочки соседской
Жую бисквит. Желаю одного:
Уединиться с Тасею в кладовке.
Но, не найдя на то причины веской,
Пускаюсь на интриги и уловки.

Пять лет прошло — и первая любовь
Взаимная. И первое распутство.
Я становлюсь печально молчалив,
Пью пиво и отращиваю чёлку.
Похмельные друзья и институтство,
Диплом, положенный с презрением на полку.

Я всё хочу о чём-то рассказать.
Но всякий раз мораль я забываю.
Волна несётся. Тянет говорить.
Мы были веселы и в чём-то превосходны.
Бисквиты в августе и апельсины в мае,
Всё тихо и цветно. Всё будто мир подводный.

Жак-Ив Кусто был в этом деле прав,
Когда за детством в море погружался.
Я верю: там и первая любовь,
И папины шаги в пыли парада...

Ну вот, я плачу. Я не удержался.
А говорили: вспоминать не надо.

Осенний день

Осенний день и день осины тёмной,
Синицы время, время воробья,
Искать в земле потерянные зёрна,
Топорща перья, время торопя.

Часы отстали тихо, безнадежно,
И мёртвые минуты налегке,
Как спички, уплывают по безбрежной,
По незнакомой медленной реке.

Свет глаз твоих, твои худые руки,
Отчаянье последней красоты.
Где музыка легла — восходят звуки,
Иных времён озимые сады.

Курица и вино

«Маникюр, педикюр» — такой пейзаж.
Громко спорят бабушка и алкаш.
Солнце опускается за гараж.
Куда ж?

Я иду в задрипанный гастроном
Отовариться курицей и вином.
И звучат шаги: невиновен он.
А кто этот он?

И в истории этой не видно дна.
Но помилуйте, какая тут глубина?
И если мораль будет здесь видна,
То пошла она на.

Скажем так: наверное, я бы мог
Изменить маршрут равнодушных ног,
Улететь куда-нибудь на восток.
Скажем, Владивосток.

Обрати внимание, жизнь моя:
За какие бы я ни летел моря,
От каких бы мыслей ни мчался я —
Невиновен я.

Так прими же в дар курицу, прими вино.
Выпей за меня как во сне, как в кино.
И пусть легко мне далось оно —
Словно кровь оно.

* * *

Сизый голубь, и дрозд, и малютка-щегол
На зелёный взлетают престол.

Говорят: «Всё — движение, всё — торжество.
Так поведало нам большинство.

Мы не знаем, какие нам дни и года.
Но мы знаем: летели всегда.

От престола к престолу, сквозь тучи и гром.
На свинцовом, на голубом...»

На земле, у траншеи, лежит солдат,
Крепко держит свой автомат.

Говорит им: «Я умер, я жить устал.
Я дышать вчера перестал.

Золотая земля как огонь звенит
И на ухо мне говорит:

Лишь покой, лишь молчание — торжество.
Слушай мёртвых. Они — большинство».

Сизый голубь, и дрозд, и малютка-щегол
Покидают зелёный престол.

И летят, словно капли, в сиянии дня,
Неотрывно смотря на меня.

* * *

В том краю, где шумят родники,
Где гуляют в лесу дураки,
Где садится закатное солнце
У объятой пожаром реки.

Этот радостный плеск родниковый,
Этот лепет блажной, дураковый,
Незаметно клонящийся день,
Берег леса размыто-лиловый.

Посижу, почию сапоги,
Кое-где подтяну, подобью,
Посижу просто так у реки,
На бессмысленность глядя твою.

Где звенит и звенит родниковое,
Где смеётся моё дураковое,
Где не страшно всходящее солнце,
Роковое, бессмертное, новое.

Зимой

В морозе плавают, как золотые рыбки,
Кусочки льда.
Они, как бусины, мелькают изо рта

И, варежкой прикрытые, летят,
Куда хотят.

Над площадью выстреливает пушка,
И Бог является во всей его красе.

Как вышивает — крестится старушка.

И рыбки все, и бусины — звенят.
И воздух раскрывается, как книга.

Коньками мальчик рассекает лёд,
Летит горошиной, не видя, что вокруг
Всё стало белым. Белым стало вдруг.

Анна

Кто посеребрил эту бедную улицу?
Раньше она жалась к углам, как одинокая женщина за сорок.

Я шёл ею, и мне не хотелось жить.

Всё преобразилось.
Она расправила маленькие плечи.
Она изрекла: «Я люблю себя.
У меня новое платье.
Моё имя Анна».

Анна. Автобус бережно тормозит на повороте.
Пешеход, похожий на убийцу, ждёт, когда зажжётся зелёный.
Франт в дублёнке смотрит на тебя, но не может переглядеть.

Прогноз погоды. Зима в ноябре. Как тогда.
Я не должен был тебя оставлять.

Лесная прогулка

Ну вот. Чернеющей дорогой
Уходишь ты в прозрачный лес.
Ты исчезаешь. Ради Бога
Постой, пока ты не исчез.

Присядь на камень. Снова чудо.
Природа говорит.
Слетает лист из ниоткуда,
И капелька горит.

Отец, ты помнишь, было раньше:
Мы шли с тобой вдвоём
По берегу осенней чащи
Бессмертным октябрем.

И я тебя ругал когда-то,
За плечи тряс
За твой алкоголизм проклятый,
За то, что любишь нас.

Я тряс тебя из сил последних.
И ты как будто знал,
Что этот страшный лист осенний
Встал ото сна,

Что эта капля ледяная
Уже горит.
А ты идёшь, идёшь по краю,
И сердце не болит.

Как будто говоришь ты: «...Паспорт,
Носки, тетрадь,
И не забудь зубную пасту..
Я буду ждать».

Счастливое имя

Я тебе непременно хотел рассказать,
Как нам следует нашу дочку назвать,

Чтоб жила она счастливо так же,
Как мы жили с тобою однажды.

Мне во сне это имя комарик шепнул
И, как рыба чешуйка, во мраке блеснул,

Я забыл и хожу как в тумане:
Катя, Оля, а может быть, Аня.

Непременно мне надо заснуть и опять
На опушке лесной комара повстречать,

Чтоб счастливое имя напомнил
И чтоб я его крепко запомнил.

Обниму я руками упругий живот,
Где счастливая дочка неслышно живёт,

Окруженная вещами снами,
Катя, Оля, а может быть, Аня.

Кошке

Что ты сжалась, как комочек, на большом диване?
Что ты уши наострила, почему не спишь?
У тебя смешная морда с длинными усами.
Ты иначе, чем обычно, на меня глядишь.

Знаю, мне не разобраться, у тебя — повадки.
У тебя шуруп под кожей, шрамик на бедре.
Врач тебе наркозы делал, надевал перчатки.
Как тебя не разморило на такой жаре?

Ты меня почти пугаешь этим длинным взглядом.
Я как будто в нём читаю: «Я была с тобой».
Не бросай меня, послушай, будь со мною рядом.
Ты тихонечко киваешь круглой головой.

Ты

Я открываю глаза и вижу: ты.
Ты наклоняешься ласково надо мною.
У тебя веснушки, у тебя царапинка на носу.
Я вспоминаю, как ты толкнула меня с сарая.

Ты прыгнула следом.

Мы читали подшивку журнала «Вокруг света»,
Особенно любили раздел о смешных изобретениях.
Нас поразил чехольчик на язык для поцелуев.

Я придумал песенку:

Как да синий воробей
Да зелёный скарабей
Распустили крылья,
Клювики раскрыли...

И дальше ты меня обняла.

Прошло лето, прошла осень.
Под ноги упал даже не лист, а непонятно что.
Прошло много лет.

И вот я, как улитка с домиком, ковыляю по парку.

Врач развёл руками и сказал: от силы — год.
Я полюбил фрукты.
Я полюбил хурму, абрикосы, киви, виноград и даже яблоки.
Я сидел с тарелкой и вспоминал.

Вспоминал о несостоявшихся женитьбах, нерождённых детях,
Утраченных словах.
И о том, что настанет момент, когда ничего этого
Уже не понадобится.

Хурма падает.

И вот я открываю глаза и вижу: ты.

* * *

Помилуй, Бог, меня за то, что я не жил.
За то, что памятью своей не дорожил.
За то, что дождь. За то, что просто ветер.

Очнувшись утром, лёжа на спине,
Я вижу свет, идущий по стене.
Я вижу свет, как никогда на свете.

Прости меня за то, что вижу я.
Прости меня за то, что слышу я.
Но слышать не могу и замираю.

Как свечка, что у ветра на краю,
Я у черты невидимой стою.
Прости, помилуй — тихо повторяю.

2010–2013

* * *

О, печаль,
О, птичка на проводе.
Золотая даль
И близкое в золоте.

Ягоду сорвёшь —
И тает, и таяло,
Таяло когда-то, да всё растаяло.

Вот оно, настоящее,
Между сорвёшь и таяло,
Каменное, молчащее,
И летишь по проводу.
Что же ты со мною — ушла, оставила.
Я звоню по поводу...

Облака большие,
Небо движется,
Лес внезапный
Выплывает из золота,
Тени опускаются,
Легче дышится
На окраине большого города.

* * *

В виду имея лес кирпичный,
Я по лесу гуляю своему,
По дендропарку. Там и леший бродит,
Литературно оттиск четверни
В полузамёрзшей грязи оставляя.

Над головой команда небольшая
Осенних птиц (семь-восемь):
Опыты полёта в прозрачном свете ставит.

До Африки, докуда там ещё,
Мне даже не представить — улетите.

Так вот. Почти что растворившись в быте,
Я на природе снова сам себя
Как будто начинаю замечать.
Вот на нос тихо посягает холод,
Вот под ногой зачавкало...
Я будто начинаю отличать
Себя от окруженья:
Право, лево, трава, земля,
Осенний воздух, птиц перемещение,
А вот и я.

Вернусь и, в зеркале домашнем отразившись,
В деталях позабытых: уши, нос...
Немедленно сдаю без боя само-
Идентификацию: пью чай,
Ем бутерброд, подбрасываю сына,
Случайно ссорюсь и мирюсь с женой,

И в этом быте, а вернее, ритме
Я растворяюсь — на день, на неделю,
Чтоб снова, невидимкой — куртку, шарф,
И в лес. А по каким делам? — Не знаю.
Бог знает. А уже — зима.

* * *

Я решил стать поэтом и написать стихотворение
Про любовь и смерть.
А вышло — про какие-то чернильные тени и картонные цветы.
Мне стало грустно, что любовь и смерть не пришли ко мне в этот раз.
Но быть может, подумал я, придут в другой.

Но и в другой, и в третий.
Получались груды хрусталя,
Какой-то обморочный занавес,
В лучшем случае котёнок,
Скончавшийся под утро.

Я не успел его полюбить. Я не вполне был уверен, что он был жив.
Стало быть, любовь и смерть все ещё далеки.

Позже я узнал значение слова «любовь».
Увидел чужую смерть — без смысла и без значения.

Я продолжал писать стихи,
Они получались всё лучше и осмысленней.
Но ни того, ни другого.
Одуванчики как живые.
Многозначительные камни.
Устойчивые дома.
Но ни любви, ни смерти.

Шли годы. И годы.
Как-то раз я сидел в кресле
И в метре передо мной появился светящийся шар.

— Кто ты? — спросил я.

— Я любовь и смерть, — отвечал шар.

— Но как...

— Так, — отвечал шар. — Сейчас ты полюбишь и умрёшь. Пиши.

Хорошо, хорошо, — подумал я. — Это случилось.

Ко мне пришла любовь.

Ко мне пришла смерть.

* * *

Я сказал: «Замри, минута», —
Но она не замерла.
Растянулась почему-то,
Покружила и ушла.

Только ты ещё стояла
У раскрытого окна,
И сверкало одеяло,
И светилась тишина.

Я запомню ту минуту.
Нет, не первую, а ту,
Что собой связала будто
И печаль, и красоту.

Ту, которую не звал я,
Не упрашивал: «Замри!»
Потому не опоздала,
Потому всегда внутри.

* * *

А. Е.

На свете нет плохих вещей,
На свете есть плохие вещи,
Они неявны и зловещи,
Как, скажем, тени от клещей.

На свете нет плохих клещей,
И ржавый гвоздь со скрипом вынут,
И ржавый клюв опять разинут,
И смотрят в сердце всех вещей.

Гори, порядок мировой,
О том, что всё всегда проходит,
И гвоздь сам из стены выходит
И падает вниз головой.

* * *

Так он умер четыре года назад. Я в шоке была.

Как? Я же его видел,
Шёл по рынку..
Приценивался к овощам.

Хотел окликнуть, да как-то вдруг постеснялся.

Кого?

Михайлов.
Осунувшийся, серьёзный,
Серьёзно так рассматривал огурцы.
Какая-то ошибка...

На Новодевичьем хоронили. Игнатьев был.

Не знаю, не уверен.
Игнатьеву я бы не стал...

Полинка. Она же его любила.
Я с ней два вечера тогда по телефону.
Сорок четыре, сердце.

Ладно, ладно.

Иду домой. Навстречу лепит жирным снегом.
Мокрая собака пристраивается, идёт рядом.
Открытые торговые ряды. Последние торговки
Сворачивают свой нехитрый ассортимент,

Прищепок, вешалок... Как вижу: он, Михайлов,
Серьёзно, как перед судом, как будто это дело
Жизни и смерти, пытается вернуть товар,
Почти со злобою, серьёзно так читает
С бумажки о защите потребителей.
И голос его как ровный шум далёкого мотора,
Лишь слышится глухое: «ара», «ара», товара,
Слов почти не разобрать.
Он бледен и, кажется, не узнаёт меня.

* * *

Вот и всё, что ушло. До свиданья, не надо,
Я тебя провожу, погоди.
Ты стоишь тяжело посреди листопада,
Красный лист прицепился к груди.

Воскресенье. Пальто раздувается ветром.
С некрасивую бабьей тоской
Рядом шла. Все горело пронзающим светом,
Это солнечный ветер такой.

Я другую хотел, что меня примирила
С уходящей любовью к тебе,
Напоследок растерянно ты заморгала
В перехода подземной трубе

И ушла навсегда. Я шагал, молодея
Оттого, что ничто не спасти,
Вспоминая отчётливо, кто я и где я,
Поднимаясь на свет впереди.

* * *

Свет хранился в коробке, покуда
Не возникла большая рука
И достала его — не как чудо,
А как гусеницу, как паука.

Отношеньем обиженный этим,
Он негромко и злобно горел,
И сказали: «Неправильно светим», —
Только правильно он не умел.

* * *

Вот и жизнь показалась случайной.
Взять конфету и чаю налить
И глотками горячими пить,
Телевизор переключая.

Говорят: холода, голода.
Я за чистую принял монету
Безучастную присказку эту,
С голубого экрана вода.

Так всю жизнь: невнимательно жил,
Потребляя и землю, и воздух.
Оглянулся — и синие звёзды,
Разучившись любить, полюбил.

* * *

Я был как все и напролом стремился
К такой же пустоте, к такой же красоте,
Я в руки взял тетрадь и удивился,
Как буквы существуют в тесноте.

И мне хотелось их, как бабочек, разредить,
Но снился сон, как чёрный махаон
Ворвался в комнату и ну крылами мерить,
И это был не сон.

Всё то, что раньше стыло, не дышало,
Вдруг встало в ряд, и до сих пор стоят
Холодные слова, и воздуху так мало,
И будто на войну шеренгою летят,

И будто чьи-то сапоги синеют
В конце тетради, на живом снегу.
А бабочка — я выбежал за нею
И до сих пор бегу.

* * *

Простишь ли ты меня,
Что я не только не делал ничего дурного,
Я ничего не делал вообще?

Наступает утро,
На скатерть кухонного стола ложится первый луч.
Солонка и перечница, подаренные твоей подругой,
Округляются, приобретая объём.
В солонке появляется соль,
В перечнице — перец.

Ты улыбаешься, вспоминая, что сегодня суббота
И ничего не надо делать.

Я же, напротив, начинаю суетиться,
Жарю хлеб, нарезаю салат,
Что-то вроде маленького жертвоприношения.

Завалить бычка.

Купить на сельхозрынке
Или где там, на ферме,
Не бычка, овцу,
Договориться с шофёром,
Затолкать в «газель»,
Привезти.

Подняться на седьмой этаж,
Удерживая животное, открыть дверь,
Проводить пинком в комнату,

Там, где ты, ещё в постели,
Взять на кухне толстый нож.
Одной рукой хватая загривок,
Другой просунуть нож в овечье горло,
Секунду — ничего, и вдруг кровь струёй.

Такие вот салат, тосты, чай.
И ты меня, конечно, прощаешь.

* * *

Я помню, ты смотрела на дорогу,
Я за столом сидел
И чаю подливал, и тихий ветер
По радио бесцветно шелестел,

Пощёлкивал, убавила ты громкость,
И стало окончательно темно,
Лишь фонари немного освещали
Самих себя. Морозное окно

Для зренья оставляло амбразуру
В виде овала чёрного стекла,
Казалось — прикипеть бы насмерть
И всё смотреть, смотреть.

Никто не шёл. Зажглось нутро машины.
Сосед минуты три-четыре
Прогревал мотор,
Завёл и долго, как во сне, поехал влево.
Снова всё счернело.
На подоконнике блестел вчерашний снег.

Я допивал уже шестую чашку,
Когда внезапно ты
Как будто тихо вскрикнула. Я тут же
Поспешно встал, обнял тебя за плечи
(Как мог, возможно, сделать кто другой: картинно, неумело).

Ты обернулась. Твои глаза блеснули
От слёз.
И я, от предвкушения чего-то настоящего,
Всё ближе, ближе, в сантиметре от,
Стоял, сжимая спинку стула, озарённый
Внезапным светом.

* * *

Веет ветер, веет, веет
Над осеннею землёй,
Здесь и шапка не согреет,
И торопишься домой

Мимо почты, школы мимо
И в подъезд скорее — юрк,
А в квартире пахнет мылом,
В ванну вылезешь из брюк

И занежишься до дрожи
В тёплой масляной воде,
Только ветер всё же, всё же
Здесь, а более — нигде.

Не на улице осенней,
Не над крышей жестяной —
Рядом — в комнате соседней,
За картонною стеной.

* * *

Сила и слабость, смятение и любовь
В белом сияют танце.
Всё человеческое, всё, что останется.

Дремлет дворец в ожидании чуда и сна,
Едет троллейбус из песни.
Переживём: горечь, болезни,
Смерть.

Мне ничего не успеть.
Но бегу, на бегу повторяя:
Ты не напрасно живая,
Ты не напрасно сияешь, бродишь во тьме,
Всё невозможное мне,
Всё одиночество, силу и слабость,
Бедную старость и радость

Приобретая, словно сладкий сосу леденец,
Бездны и шороха вроде.
Отлежусь. Отдышусь. Выйду во двор наконец,
Зол и одет по погоде.

* * *

Фарфоровые слоники стоят на столе.
Собираются люди, много людей.
Входит Марья Ивановна,
Говорит: что же вы здесь?
Мы же в другой комнате,
Горячее стынет,
Ну-ну, говорит, я смотрю, вы уже порядочно.
Так нельзя, так нельзя.

И всё теснее и теснее,
Не встать, не выйти, не хватает стульев,
Мы сидим друг у друга на коленях.
И горячее ведь стынет,
И откуда мы здесь,
И кто нас сюда привёл?
На метро? На трамвае?
Нет, наверное, на своих.
Ноги страшно болят, а ботинки стоптаны.

Дорогая Марья Ивановна,
Пожилая женщина,
Хозяйка своих гостей,
Добрая душа, щедрое сердце,
Добрая душа, щедрое сердце,
Стоптаные ботинки у наших мёртвых.
Толкаемся, пахнем несвеже, не можем поместиться.
И вот он — звон обеденного колокольчика,
Жаркий дух, звяканье серебра
Из другой комнаты.

Разве заплачешь от жалости к себе,
От неуголённого голода,
От звенящего в ушах праздника —
Нельзя.
Привалиться на чей-то локоть,
Залобоваться узорами на обоях,
Прошептать благодарно затверженный наизусть адрес.

* * *

Слышишь звон серебра
С разбитых полей,
Песенку недобра
Поет соловей.

Как тебя ни крути,
Ты меня не ждала,
Но и всё же в груди
Жить мешает игла.

Шьёт новой строкой
Песня — и вдруг тишина,
Вот тут бы идти другой
Дорогой. Горит весна.

Где-то сгорает дом,
Разламывается плёнка льда.
Я стою, и на том
Просто стою едва.

* * *

Запоздалые зори и ночи крошечные,
Осторожный и страшный уют,
В телевизоре плазменном сны безутешные —
Их по дюжине в руки дают.

Так ли жизнь закрутилась, лети, долгожданная,
По чешуйчатой коже шоссе.
Юбилейную рюмку супруга нарядная
Наливает, и празднуют все.

Выйдешь в заспанный двор, и земля расположится
Параллельно худым облакам —
Там, должно быть, сиянье мучительно множится
И всё тянется к чьим-то рукам.

Бей наотмашь, счастливое птичье сословие,
Строй на севере юг воровской.
Презираю твоё дармовое пособие
Да и голос эзоповский свой.

Вспоминаю, как утро светилося осеннее,
Как тянулись лучи до земли
И являли собой как бы ложь во спасение,
Но спасти никого не могли.

* * *

Рассвет был откровенно плох,
Деревья плыли одноцветно,
И каждый утренний твой вдох
В аппаратуре гас бесследно.

Среди изгибов гибких труб,
Под вздох компрессора тягучий
Вдруг на кровати сел твой труп
С какой-то ловкостью паучьей.

И даже ватная жена
И санитары не смогли бы
Понять, какого же рожна
Всех этих трубочек изгибы.

* * *

Даже то умирает,
Что неумираемо.
Дуб глядит, и кора его
Чешуйки роняет.

Жук древесный,
По каменным лаковым клавишам,
Или всё же — небесный.
Весна, снова птицы на кладбище.

Всё растёт
В эту сторону, дивно короткую,
И с улыбкой, прозрачной и кроткою,
Всё пройдёт.

Дорогие и неугасимые
Макушки церквей,
Утренние, дневные, неисчислимы
Для цариц, царевичей и царей.

* * *

Колeblesя озеро. Зыбь и туман.
По берегу тихо идёт караван.
Я в медленном поезде. Чая стакан.
Железо стучит под ногами.

Туман расступается. Лес впереди.
У всадника фляга висит на груди.
И что там ещё у меня на пути,
И что там ещё между нами?

Мне озеро снилось. Движеньё весла.
И лошадь чужая поклажу несла.
И лошадь чужая... И так без числа.
И всадник откупорил флягу,

Но фляга пустая. Мне снилось ещё,
Как ты обнимала меня горячо
И, как в лихорадке, ещё и ещё.
И ночь превращалась в бумагу.

Так всё превращается в солнечный дым
Движением радостным, взмахом одним,
И снова за чаем сидим и глядим,
Как жизнь за окном пропадает,

Как праздничной гибелью лес напоён,
И травы горят, и мы едем вдвоём.
(А всадник у озера спешился. Он
Губами к воде припадает.)

Я вспомнил, как что-то цвело и ушло,
Как что-то светилось в ночи тяжело,
И солнце над озером бедным взошло
И скучную гладь осветило.

Невидимый близился Владивосток,
Я и лежать и сидеть изнемог,
А ты завернулась в пушистый платок
И чаю ещё попросила.

* * *

Что стихи? Наполняет стихами
Недохоженный лес сентября,
Вот брусника слепыми кружками,
Вот опята не прячут себя.

Насыщается влагой газета,
Кисло пахнет коричневый нож,
Что словами дорога не спета,
По которой с корзинкой идёшь.

Или наоборот: всё стихами,
До гнилого газетного дна,
Где расходится небо кругами
И замшелая шляпа видна.

* * *

Ты нежности цветок, ты гул воды солёной,
Тыходишь запоздало в дом.
И дом плывёт, бесцветный и влюблённый,
Как сладок первого прикосновенья гром.

Беспечных дней люблю простое назначенье
И осязания простую красоту,
Когда горит стыдливое свеченье
И тёплый плод я подношу ко рту.

О чём сказать могу — о том, что происходит
Со мной сейчас и больше, чем со мной,
Так ясный гром, смертельный, сладкий, входит
В пятиэтажный дом земной.

* * *

Дай мне послушать уток,
Крякающих, трубящих
В свои самодельные дудки,
Семью коммунальную эту.

А ты, тишина под камнями,
А ты, тишина в травах,
Я и так могу догадаться,
Что ты всегда рядом.

Будет мне пора закругляться,
Ложиться под шум утячий,
Черты мои заостряются,
А ведь надо бы закруглиться.

Но ты, тишина под камнями,
Плоская, словно блюдце,
Но ты, тишина в травах,
Заострённая — всё иначе.

Дорогие друзья, подруги,
Так всю жизнь и проговорили,
А я всю жизнь вас и слушал.
Если б ты не была так рядом.

Содержание

2006—2009

О счастье	5
В гранатовом саду	6
«У него в кармане зажигалка и коробок...»	7
Мне не надо	8
Заря	9
Сон	10
Звёздочка	11
Перемена сезонов	12
Запоздалое облако	13
Лёгкая лапка	14
Попутная вода	15
Это не я говорю	16
«Я влюбился в снег и лёд...»	18
«Вдалеке, не разглядеть лица...»	19
«Ещё ребёнком неусталым...»	20
Девочка	21
«Это лето не про нас...»	22
Остановка в лесу	23
Кошка в доме	24
Это окно	25
Зяблик или дрозд	26
Весна запоздалая	28
«Я в далёком когда-то детстве...»	29
Остров	30
Птица	32
Часы маме	33
Портрет отца	34
Туда, где	35
По острию луча	36
Память	38
В больничных окнах	39

Белое море	40
Про любовь	41
Жаркий день	42
«Едут автомобили, проходят люди...»	44
За калиткой	45
«История поехала вперёд...»	46
Осенний день	48
Курица и вино	49
«Сизый голубь, и дрозд, и малютка-щегол...»	50
«В том краю, где шумят родники...»	51
Зимой	52
Анна	53
Лесная прогулка	54
Счастливое имя	56
Кошке	57
Ты	58
«Помилуй, Господи, за то, что я не жил...»	60

2010—2013

«О, печаль...»	63
«В виду имея лес кирпичный...»	64
«Я решил стать поэтом и написать стихотворение...»	66
«Я сказал: замри, минута...»	68
«На свете нет плохих вещей...»	69
«Так он умер четыре года назад...»	70
«Вот и всё, что ушло. До свиданья, не надо...»	72
«Свет хранился в коробке, покуда...»	73
«Вот и жизнь показалась случайной...»	74
«Я был как все и напролом стремился...»	75
«Простишь ли ты меня...»	76
«Я помню, ты смотрела на дорогу...»	78
«Веет ветер, веет, веет...»	80
«Сила и слабость, смятение и любовь...»	81
«Фарфоровые слоники стоят на столе...»	82
«Слышишь звон серебра...»	84

«Запоздалые зори и ночи кромешные...»	85
«Рассвет был откровенно плох...»	86
«Даже то умирает...»	87
«Колблется озеро. Зыбь и туман...»	88
«Что стихи? Наполняет стихами...»	90
«Ты нежности цветок, ты гул воды солёной...»	91
«Дай мне послушать уток...»	92

Андрей Гришаев. Канонерский остров

редактор:
А. Переверзин

художник:
С. Труханов

корректор, технический редактор:
О. Тузова

В оформлении обложки использовано фото Владимира Соколаева
(агентство «ФотоСоюз»).

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 15.03.2014.
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 6
Тираж 500 экз.

Андрей Гришаев родился в 1978 году в Ленинграде. Окончил Электротехнический институт им. Ленина. Публиковался в журналах «Новая Юность», «Новый мир», «Знамя», «Воздух», «Новый берег», и других. Автор книги стихов «Шмель» (2006). Лауреат премий журналов «Новый мир» (2007), «Знамя» (2009) и премии им. Андрея Вознесенского «Парабола» (2013). Живёт в Москве.